

- Учитывая всю мерзость нашей жизни, нам остается лишь одно – жить в тени. Сейчас мы оба находимся в Ханчжуне, далеко от сферы влияния семьи Линь. Даже эти бандиты не осмелились бы схватить меня так открыто. Но и твои слова звучат правдиво: осторожность никогда не бывает чрезмерной.

Юй Синчжи взял на себя роль паникера и продолжил:

- Мне просто жаль, что я втянул в это дело такую девушку, как ты, и я искренне сожалею, что тебе приходится в конечном итоге страдать от неудобств по моей вине. Позволь мне заняться всем необходимым, а ты можешь отдохнуть.

Чжоу Сяосяо улыбнулась и взвалила на Юй Синчжи обязанности по приготовлению пищи. Поскольку самочувствие у нее было не лучшее, она предпочла бы отдохнуть. Чжоу Сяосяо улеглась на спине поудобнее и подняла почерневшую ветку, нарисовав кукушку на камне у своих ног.

В несколько взмахов появилась живая и милая птичка.

К сожалению, она начала рисовать, когда еще училась в школе. Если бы она знала, что сменит тело, она обучилась бы традиционной китайской живописи – вот так думала Чжоу Сяосяо, радостно любуясь своей работой.

- Хороший рисунок, я почти слышу, как эта птица дышит, – похвалил её сбоку Юй Синчжи.

Он поднял еще одну ветку и взмахом руки записал несколько слов. Мазки его были одновременно очаровательны и полны жизни.

То, что он написал, было коротким стихотворением из сборника поэта Ли Шаньина: «Весеннее сердце Императора Вана и Кукушка».

- Какие красивые слова...

- Легенды говорят, что титул вежливости Императора Вана был таким же, как имя кукушки, Зигуи.

- Хм?

- Мой титул вежливости – тоже Зигуи.

(История такова: Император Ван превращается в кукушку после отречения от трона, и он плачет весной, что является метафорой любви/похоти, по своей любви.)

Это что, старомодный флирт?

Древние люди очень туманно выражали романтические чувства, но Чжоу Сяосяо была уверена, что ей это по душе.

И вот они вдвоем стали любоваться на свои рисунки.

- Я вижу, что в последнее время твои движения становятся все более и более плавными. Сегодня доктор сказал, что, если о тебе хорошо заботиться, ты легко сможешь исцелиться. Неужели тебе больше не больно?

- Когда ты говоришь об этом, мне становится немного... неловко, - уши Юй Синчжи слегка покраснели.

Юй Синчжи всегда был очень сдержанным человеком, поэтому он не стал бы легкомысленно упоминать об этом, даже если бы был ранен всерьёз. Именно эта фраза, на мгновение ошеломила Чжоу Сяосяо, прежде чем она пришла в себя.

- Ну же, ты уже начал, - Чжоу Сяосяо толкнула его локтем и сказала: - Если хочешь послушать историю, можешь просто рассказать мне. И вовсе не нужно со мной спорить.

Джентльмен, который хотел послушать ее рассказ, но был слишком смущен, и говорить из-за этого он не мог. Однако он мог улыбнуться.

- Хорошо, тогда на чем мы остановились в прошлый раз? Кажется, мы остановились на вишневом острове, где хозяин выбирал зятя...

В пустыне начинало холодать, но пламя все еще тепло гудело. Они вдвоем наслаждались вкусным куриным супом и жареным сладким картофелем.

Сидя под звездным небом, он слушал, как Чжоу Сяосяо рассказывает о песнях зеленых приливов и о том, как звенят мечи в тренировочных помещениях.

Звуки ночи становились все громче, и Чжоу Сяосяо начало клонить в сон.

- Я просто не знаю, почему владелец острова Хуан так не любил Го Цзина.

- Они занимали разное положение в обществе и придерживались разных взглядов на жизнь, так что, они с самого начала не смогли бы стать хорошей парой.

Чжоу Сяосяо изо всех сил старалась говорить искренне, но даже ее речь стала невнятной.

- Он ученый и изящный человек из благородной семьи, конечно, он не смог бы вынести кого-то неискушенного, как тот, кто вырос в диких-предиках землях...

Но прежде, чем она смогла закончить говорить, она склонилась к Юй Синчжи и заснула.

Она спала и потому представить себе не могла, что Юй Синчжи осторожно накрыл ее одеялом, и положил ее голову себе к на колени.

Он долго сидел перед огнем совсем один, и он не испытывал никакой необходимости в том, чтобы думать о подобных вещах.

<http://tl.rulate.ru/book/34106/1225709>